

ЎЗБЕКСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ИЛИМЛЕР АКАДЕМИЯСЫ
КАРАКАЛПАКСТАН БЎЛИМИНИН
ХАБАРШЫСЫ

ЖУРНАЛ 1960 ЖЫЛДАН БАСЛАП ШЫҒЫП АТЫР
ЖЫЛЫНА 4 ИРЕТ БАСЫЛАДЫ

ВЕСТНИК

КАРАКАЛПАКСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С 1960 ГОДА
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

№ 2

1994

ККОАН.РУз

В. Н. ЯГОДИН

ДРЕВНИЕ КОЧЕВНИКИ АРАЛО-КАСПИЯ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ¹

В статье рассматривается вопрос о торговых связях древнего Хорезма и о специфике взаимодействия ранних кочевников Великого пояса степей Евразии и торговых центров на Великом Шелковом пути.

Великий шелковый путь (В.Ш.П.) в эпохи древности и средневековья представлял систему торговых коммуникаций, пересекавших огромные просторы Евразии с востока на запад от Сианя и Ланьчжоу в Китае до Восточного Средиземноморья и Северного Причерноморья (рис. 1). В.Ш.П. сформировался во II в. до н.э. после путешествий Чжан-Цяня и просуществовал до XIV в., потеряв свое значение в связи с усилением роли морских путей из Индийского океана. В.Ш.П. объединил в единую систему много путей, существовавших ранее II в. до н.э. в частности, пути, выводившие в Среднюю Азию из Индии. На протяжении многовековой истории развития В.Ш.П. неоднократно менялись отдельные участки пути, добавлялись какие-то новые отрезки, забрасывались использовавшиеся ранее. Однако в целом В.Ш.П. функционировал постоянно, сохраняя свое значение как мощный фактор развития культурных связей между Китаем, Индией, странами Центральной Азии, Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы (Бартольд, 1963; Alley, 1953; Васильев, 1958).

На различных научных форумах, проводившихся в рамках программы ЮНЕСКО «Великий шелковый путь», неоднократно ставились и обсуждались вопросы локализации трасс В.Ш.П., роли городов и караван-сараев на трансконтинентальных торговых трассах. Между тем гигантская система коммуникаций, пересекавшая в широтном направлении просторы Евразии, вовлекала в орбиту своего воздействия не только города и оседло-земледельческие области, но также множество кочевых народов и племен, так или иначе интегрировавшихся в систему В.Ш.П. В представляемой вниманию читателя статье предпринимается попытка на немногих примерах продемонстрировать некоторые аспекты взаимодействия ранних кочевников Арало-Каспийских пустынь с системой торговых коммуникаций, проходивших через древний Хорезм.

Раскопки хорезмийских городов и сельских поселений выявили немало материалов, свидетельствующих о дальних торговых связях этого историко-культурного региона Южного Приаралья. Особой информативностью в этом отношении, как показали проведенные исследования, обладает такая категория археологических материалов, как украшения и, в частности, бусы. Исследования этих находок из раскопок древнехорезмийских городов Джанбас-кала, Думан-кала, Базар-кала и др., свита культурных слоев которых охватывает период IV в. до н.э. — IV в. н.э., позволили выя-

¹ Переработанный вариант доклада, прочитанного автором на международном семинаре ЮНЕСКО «Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Шелковом пути» (г.Алма-Ата, июнь 1991 г.).

вить для этого периода массовые аналогии с материалами Северного Причерноморья и дали основание совершенно обоснованно сделать вывод о широко развитой торговле Хорезма с античными городами Северного Причерноморья. (Пташникова, 1952, с. 105 и сл.). В период I—IV вв. н. э. при сохранении северопричерноморских торговых связей исследователи прослеживают торговые связи с Индией (Пташникова, 1952, с. 105 и сл.; Трудновская, 1952, с. 119 и сл., Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 162 и сл.).

При разработке вопросов, связанных с функционированием В. Ш. П., уже отмечалось, что существовал непрерывный водный путь из Хорезма через Сарыкамыш и Узбой к Каспийскому морю (Юсупов, 1986, с. 196-197; Вайнберг, 1991, с. 30). Учитывая отмеченные выше индийские и северопричерноморские связи, мы должны предположить существование водного пути в системе трасс В. Ш. П. из Индии по Амударье, Узбою, Каспийскому морю, далее через Кавказ, выходившего к античным городам Северного Причерноморья и на Ближний Восток. Это, в свою очередь, дает основание говорить о том, что древний Хорезм был интегрирован в систему международных торговых связей того времени, выполняя роль перевалочного, транзитного центра на одном из значительных направлений В. Ш. П.

В систему торговых коммуникаций, пересекавших Евразию в широтном направлении и осуществлявшихся по ним информационного обмена, культурных и этнических связей, были интегрированы и многочисленные кочевые племена, для жизнедеятельности которых роль экономического обмена была исключительно велика. Кочевнические курганные комплексы содержат немало вещественных данных, свидетельствующих о весьма активном взаимодействии кочевников и торговых центров, располагавшихся на трассах международной торговли.

Исследуя механизмы взаимодействия кочевников с В. Ш. П., мы должны рассматривать их в общей системе взаимоотношений оседло-земледельческих цивилизаций и кочевников. Уже неоднократно отмечалось, что в условиях пустынь и полупустынь Средней и Центральной Азии кочевые пути имели в

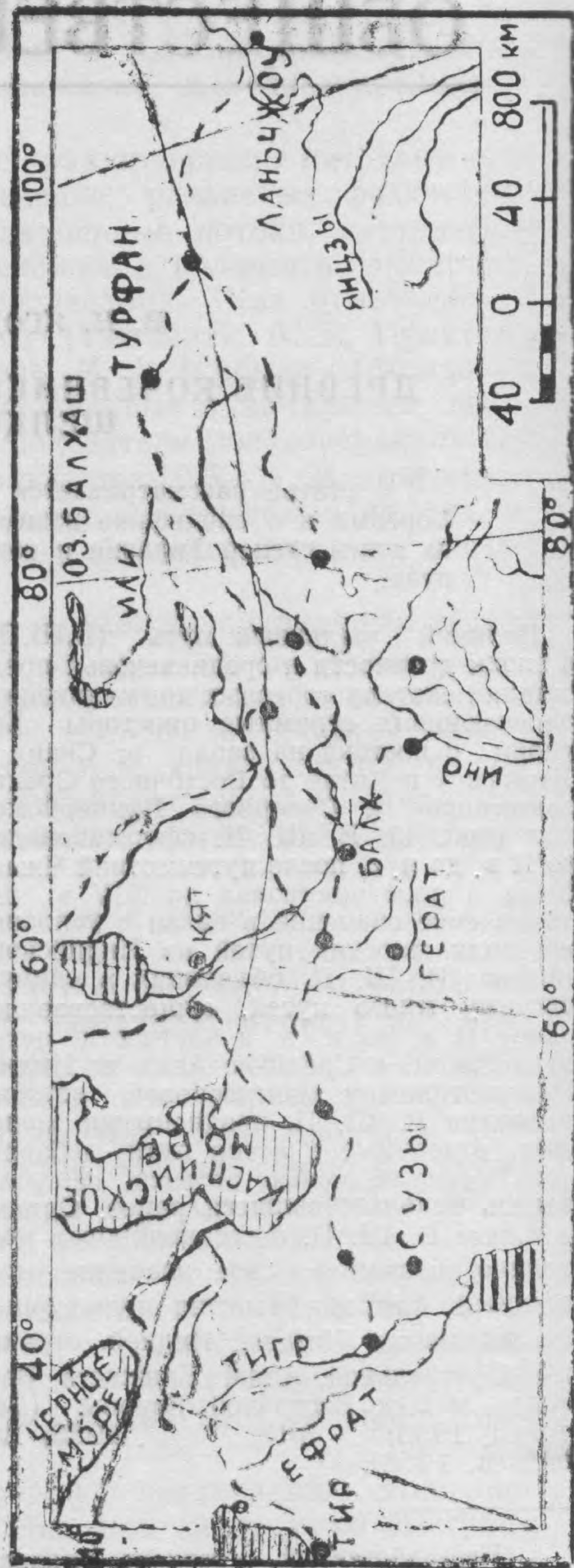

Рис. 1. Великий шелковый путь.

основном меридиональное направление, пересекая несколько климатических зон. В условиях Арало-Каспия протяженность этих путей достигала 2 тыс. км и более. Как показали проведенные исследования, летовки располагались на территории Южного Приуралья и даже Зауралья, а зимовки находились далеко на юге, в границ оседло-земледельческих цивилизаций древнего Хорезма и юга Туркмении. Здесь кочевники вступали в жизненно важный для них экономический обмен с оседлыми земледельцами и ремесленниками. В систему этого обмена включались и товары, двигавшиеся по трассам В. Ш. П. и обменивавшиеся на хорезмийских рынках на продукты кочевого скотоводческого хозяйства.

Не пытаясь охватить всю систему экономического обмена кочевников с торговыми центрами на В. Ш. П., что представляется трудноразрешимой

для ограниченной статьи задачей, попытаемся проиллюстрировать связи кочевников с В. Ш. П. на некоторых конкретных материалах, происходивших из курганных комплексов Арало-Каспийского междуморья.

Установлено широкое использование Арало-Каспийских пустынь кочевыми племенами савромато—сарматского круга с поздне савроматского (V—начало IV вв. до н. э.) до позднесарматского (III—IV вв. н. э.) времени (Ягодин, 1982, с. 39 и сл., 1990, с. 8 и сл.) В курганах, оставленных этими племенами, обнаруживаются вещи, попавшие сюда через хорезмийские рынки, и, что особенно важно, среди них не только продукция хорезмийских ремесленных мастерских, но и товары, импортные для самого Хорезма.

Для периода ранних кочевников из всего разнообразия материалов, имею-

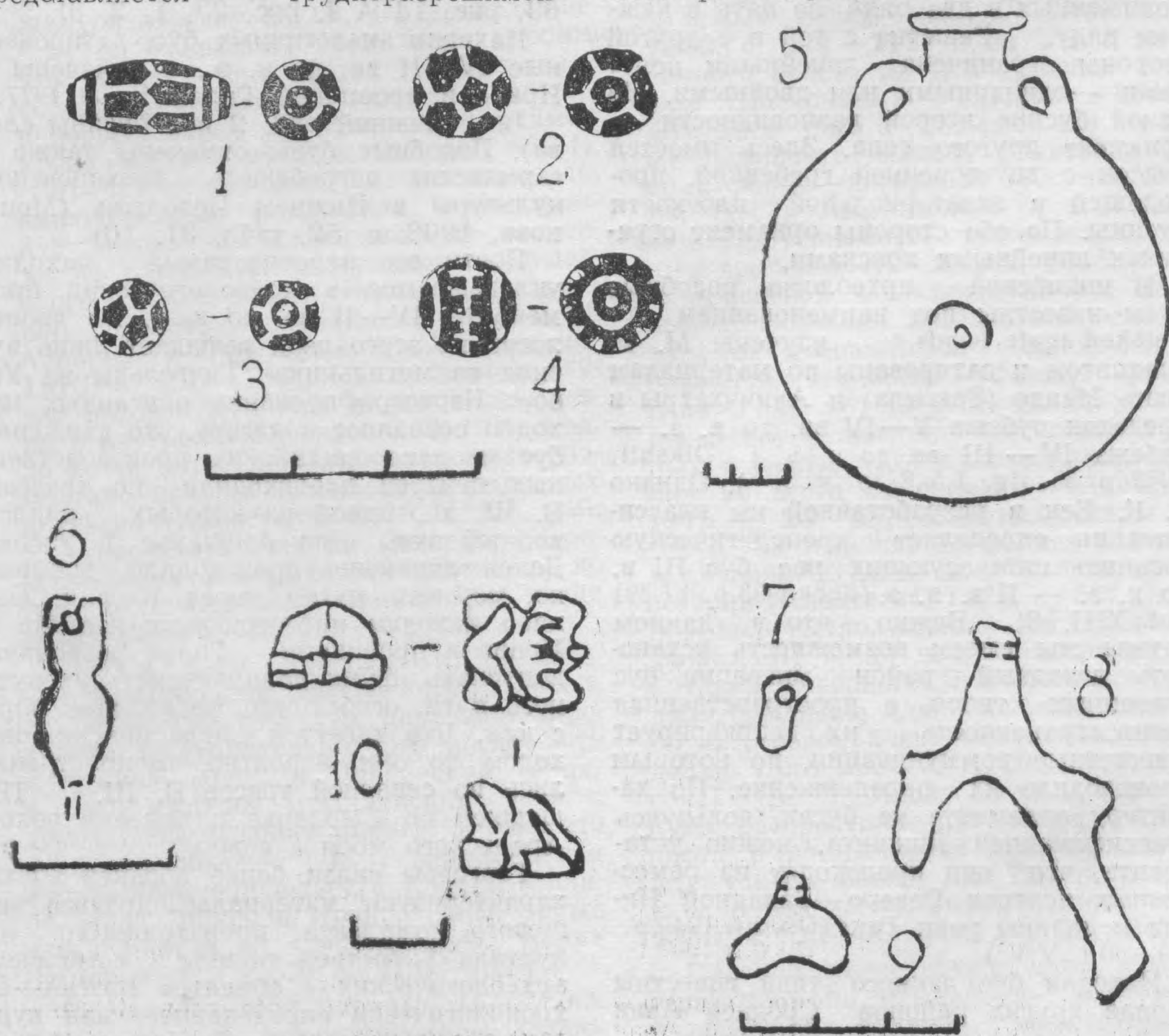

Рис. 2. Импорты в курганах кочевников Устюрта.

щихся в нашем распоряжении выбрано несколько курганных комплексов, датированных в пределах IV в. до н. э. — IV в. н. э., достаточно информативных для рассмотрения интересующих нас вопросов. Для периода IV—III вв. до н. э. избран курган 2 могильника Аксаймак — 5. Курган принадлежит сарматской, прохоровской культуре, имеет грунтовую насыпь с камнем, могилу с заплеками, южную ориентировку погребенных. Среди погребального инвентаря отмечена группа халцедоновых искусственно окрашенных в черный цвет бус с белым, травленным содой, орнаментом (рис. 2, 1—4). По форме бусы образуют 2 разновидности: 1—эллипсоидальной сегментированной формы; 2—шаровидной или сфероидальной формы. Для большинства бус обеих разновидностей характерен орнамент в виде решетки из пятиугольников, расположенных в два ряда, по пять в каждом ряду. Решетка с той и с другой стороны ограничена линейными поясками — одинарными или двойными. На одной бусине второй разновидности — орнамент другого типа. Здесь имеется пояс с двусторонней гребенкой, проходящей в экваториальной плоскости бусины. По обе стороны орнамент ограничен линейными поясками.

В индийской археологии подобные бусы известны под наименованием „etched agate beads,“ изучены М. Г. Дикшитом и датированы по материалам Бхир Манде (Таксила) и Ачичхатры в пределах рубежа V—IV вв. до н. э. — рубежа IV—III вв. до н. э. (Dikshit, 1952, p. 35, fig. 1, 5, 8, 1b, x, 6,). Однако Г. К. Бек в разработанной им классификации определяет хронологическую позицию интересующих нас бус III в. до н. э. — II в. н. э. (Бек, 1993, p. 387, 391 1b, L, XXI, 8). Важно, что в данном случае мы имеем возможность установить исходный район миграции бус указанных типов, а пространственность их распространения их дешифрирует конкретные коммуникации, по которым происходило их передвижение. По характеру орнамента на бусах, пользуясь классификацией Дикшита, можно установить, что они происходят из ремесленных центров Северо—Западной Индии и долины реки Ганг (Dikshit, 1949, p. 14—30, t. V, V').

Находки бус данного типа известны в ряде других районов Средней Азии

и Казахстана. Они известны на нижней Сырдарье: две бусины найдены в погребальном сооружении Чирик — 2 и датированы IV—II вв. до н. э. (Толстов, Воробьева, Рапопорт, 1960, с. 60 61; Трудновская, 1979, с. 83). Одна бусина найдена в грабительском выбросе из кургана 1 городища Чирир—рабат и датирована V—IV вв. до н. э. (Толстов, 1962, с. 144; Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 53—56; Трудновская, 1979, с. 83). Ряд находок бус данного типа отмечен в Присарыкамышской дельте р. Амударьи и на Узбое: две бусины в кургане 19 могильника Тузгыр IV—II вв. до н. э. (Трудновская, 1979, с. 101—109, рис. 4); одна бусина из могильника Гичгельды, последние вв. до н. э. — первые вв. н. э. (Юсупов, 1979, рис. 2, 1); три бусины в одиночном склепе Акяйла — 1 в комплексе IV—II вв. до н. э. (Юсупов, 1986, с. 68, рис. 14 А I, рис. 23, 1, 2, 3).

Находки аналогичных бус, датированные IV—II вв. до н. э., отмечены в Иране в провинции Гилян (Fukai, 1977,

fig. 4, нижний ряд, 2 и 3 бусины слева). Подобные бусы отмечены также в сарматских погребениях прохоровской культуры в Нижнем Поволжье (Мошкова, 1963, с. 52, табл. 31, 16).

Почти все перечисленные находки укладываются в хронологический промежуток IV—II вв. до н. э. По хронологии из этого ряда выпадает лишь бусина из могильника Гичгельды на Узбое. Картографирование описанных находок позволяет полагать, что движение бус из североиндийских производственных центров происходило по трассам В. Ш. П., одной из которых являлся водный путь по Амударье и Узбою. Далее движение происходило, возможно, морским путем через Каспий. Однако находки интересующих нас бус в Иране в провинции Гилян позволяют допускать функционирование сухопутного пути, огибавшего Каспийское море с юга. Что касается сырдарьинских находок, то они, вероятно, распространялись по северной трассе В. Ш. П., шедшей по Сырдарье и далее в обход Аральского моря с севера.

Торговые связи более поздней эпохи характеризуют материалы другого вещевого комплекса, происходящего из кургана 1 третьей группы комплекса археологических объектов Казган—2, хронологически определенного как курган среднесарматского времени (I в.

до н. э. — I в. н. э.). Информация по интересующей нас проблеме заложена в группе артефактов, импортных для данного комплекса.

Фляжка (рис. 2,5) миниатюрная, с уплощенным с боков туловом, узкой горловиной с полочковидным венчиком и двумя вертикальными петельчатыми ручками. Черепок в изломе плотный, грязновато-белого цвета. По внешней поверхности фляжка облицована бирюзовой поливой. Сосуд не хорезмийский, поскольку поливная керамика в Хорезме этого времени не производилась. Судя по имеющимся данным, подобные сосуды производились на территории Иранского Азербайджана, в древней Атропатене. Аналогичные сосуды известны, в частности, в парфянских керамических комплексах городища Кале—Зохах (Kleiss 1973; Археология СССР, 1985, табл. 1, XII, 10—11). В Хорезм они попадали по уже упоминавшемуся отрезку В. Ш. П., проходившему по Узбою. Это тем более вероятно, что находки фрагментов аналогичных сосудов с бирюзовой поливой известны в погребальных комплексах на самом Узбое (Юсупов, 1986, с. 132, рис 45,14).

Подвеска (рис. 2,6) миниатюрная, амфоровидная, стеклянная, с внутренней позолотой. Амфоровидные подвески из различных материалов — египетского фаянса, камня, стекла с внутренней позолотой появляются в Средней Азии во II—I вв. до н. э. (Литвинский, 1973, с. 138—139). Нас в данном случае интересуют лишь подвески из стекла с внутренней позолотой. Во II—I вв. до н. э. существовали северопричерноморские центры производства подобных подвесок (Алексеева, 1978, с. 28, 32). Надо полагать, что из Северного Причерноморья эти подвески двигались по уже неоднократно упомянутому выше пути: Кавказ—Каспий—Узбой.

Подвески (рис. 2,7—9) из веточек розового или обесцвеченного коралла. Исходную точку их движения определить затруднительно. Это могло быть и Красное море, и Персидский залив, с одной стороны, и Индийский океан, с другой. Высказано мнение о том, что в эллинистическое и раннеримское время коралл попадает в Хорезм «...либо через Индию и Иран, либо даже через Кавказ со Средиземного моря» (Пташникова, 1952, с. 108—109).

И, наконец, для периода II—IV вв. н. э., когда на юго-восточном Устюр-

те формируются могильники позднесарматского облика, одной из наиболее ярких находок, документирующих движение товаров по трассам В. Ш. П., является серия бус из египетского фаянса в составе вещевого комплекса кургана 40, IV группы курганного могильника Казыбаба—1. Массовыми среди них являются беспорядочно ограниченные бусы со сглаженными гранями, редкими — округло — ребристые бусы и единичными — фигурные. Последние представлены находкой одной бусины в виде лягушки (рис. 1,10).

Находки фигурных фаянсовых бус в культурных слоях городов античного Хорезма и в кочевнических курганах его скотоводческой периферии были известны и ранее. Фаянсовые фигурки, изображающие популярного в античном мире египетского бога Беса, известны среди подъемных материалов с хорезмийского городища IV в. до н. э. — IV в. н. э. Базар—кала (Пташникова, 1952, с. 111—112) и на Узбое из наземного склепа № 2 в урочище Балайшем (Назаркалы) (Юсупов, 1986, с. 55—56, рис. 5, 16; рис. 16). В этом же комплексе найдена фаянсовая бусина в форме «алтарика» (Юсупов, 1986, рис. 5,17). Аналогичные бусы в Северном Причерноморье датируются римским временем (Алексеева, 1975, с. 48).

Привозной характер этих бус не вызывает сомнения. Однако вопрос о центрах их производства однозначно не решается. Название фаянса «египетский», как это уже отмечено, условно, поскольку у нас нет неоспоримых данных о местах, где производились изделия из этого материала (Алексеева, 1975, с. 24—25). Массовые следы производства изделий из фаянса отмечены в древнем Египте во все периоды его истории (Алексеева, 1975, с. 25). Огромное количество изделий из египетского фаянса III в. до н. э. найдено на территории Северного Причерноморья, что дало основание для появления гипотезы об их северопричерноморском происхождении этого времени (Алексеева, 1975, с. 27). Б. Б. Пиотровский, намечая пути распространения этих изделий, писал о возможности проникновения египетского фаянса из Египта в Среднюю Азию через Индию (Пиотровский, 1958, с. 20—28; 1931, с. 28—30).

Подводя итоги выборочному анализу импортных по отношению к Хорезму изделий, мы должны констатировать

их постоянное поступление. В период IV в. до н. э. — IV в. н. э. на рынки Хорезма. Основными направлениями широких торговых связей Хорезма указанного периода были Индия, с одной стороны, Ближний Восток и Северное Причерноморье, с другой. Связи эти были обусловлены функционированием В. Ш. П. и осуществлялись на значительном протяжении водным путём: от Индии по Амударье, через Сарыкамыш, Узбой, Каспий или в обход Каспия с юга на Ближний Восток, или через Кавказ в Северное Причерноморье. В литературе многократно отмечались связи древнего Хорезма с сарматским миром Южного Приуралья. Эти связи пытались объяснить существованием караванных путей из Хорезма на Южный Урал или даже военной экспансией Хорезма в Южное Приуралье. Мне уже приходилось выступать в печати с обоснованием точки зрения, что Хорезм и Южное Приуралье были связаны сарматским кочевым циклом, при котором зимовки кочевников — сарматов находились на северо — западных границах Хорезма, а летовки далеко на севере на территории Южного Приуралья. На зимовках кочевники вступали в отношения жизненно важного для них экономического обмена, получая на рынках Хорезма не только продукты хорезмских ремесленников и земледельцев, но и товары, нехорезмские поступавшие в Хорезм по трассам В. Ш. П. Всё это широко разносилось затем по традиционным кочевым путям далеко на север, вследствие чего многочисленные находки импортных вещей фиксируются сейчас археологами при раскопках сарматских курганов (Древняя и средневековая культура..., 1978, с. 290—291).

Подобный характер связей сохраняли, видимо, большинство торговых центров на трассах В. Ш. П. Обращаясь к этнографическим моделям для индикации древних кочевых путей, мы устанавливали целую систему меридиональных кочёвок (рис. 3). Многие исследователи полагают, и я вполне солидарен с ними в этом отношении, что такая система меридиональных кочёвок существовала и в древности. Зимовки кочевников располагались в пределах доступности от крупных транзитных,

перевалочных и рыночных центров на трассах В. Ш. П. Приобретаемые на рынках товары передвигались затем по кочевым путям вместе с номадами, попадая далеко на север от постоянных трасс В. Ш. П. В связи с этим попытки осмысления фактов обнаружения импортных вещей в сарматских курганах Южного Приуралья только как следствия торговых связей страдают некоторой односторонностью.

В экономике древнего Хорезма посредническая торговля, вероятно, играла важную роль. Товары западного и восточного происхождения доставлялись в крупные торговые города Хорезма и часть их поступала на пограничные рынки для обменного торга с кочевниками, наряду с продукцией хорезмийских ремесленников и земледельцев. Подобными торговыми центрами на северо — западных границах Хорезма являлись, как это выясняется в результате новейших археологических изысканий, городища Дэвкескен и Большая Айбуйиркала.

Роль экономического обмена с кочевниками особенно возрастает в период IV—III вв. до н. э. После освобождения от политической зависимости от ахеменидского Ирана начинается формирование собственного независимого государства. Путём строительства специальных пограничных сооружений (Дэвкескенский вал) кочевники оттесняются от прежних мест зимовок. Юго — восточный чинк Устюрта вместе с Дэвкескенским валом становится протянувшейся на сотни километров стеной, разграничивающей оседло — земледельческие оазисы и кочевую скотоводческую степь. Естественный удобный выход к хорезмийским торговым городам (в первую очередь к Дэвкескену), проходивший по юго — восточному выступу Устюрта, перекрывается мощным фортификационным сооружением, включившимся в единственно уязвимом месте в естественную трудно преодолимую границу в виде непреступных чинков (обрывов) Устюрта. Сооружением этой системы не только решалась задача защиты границы от воинственных номадов, но и задача введения под контроль государства всей системы экономического обмена древнехорезмийского государства с кочевниками.

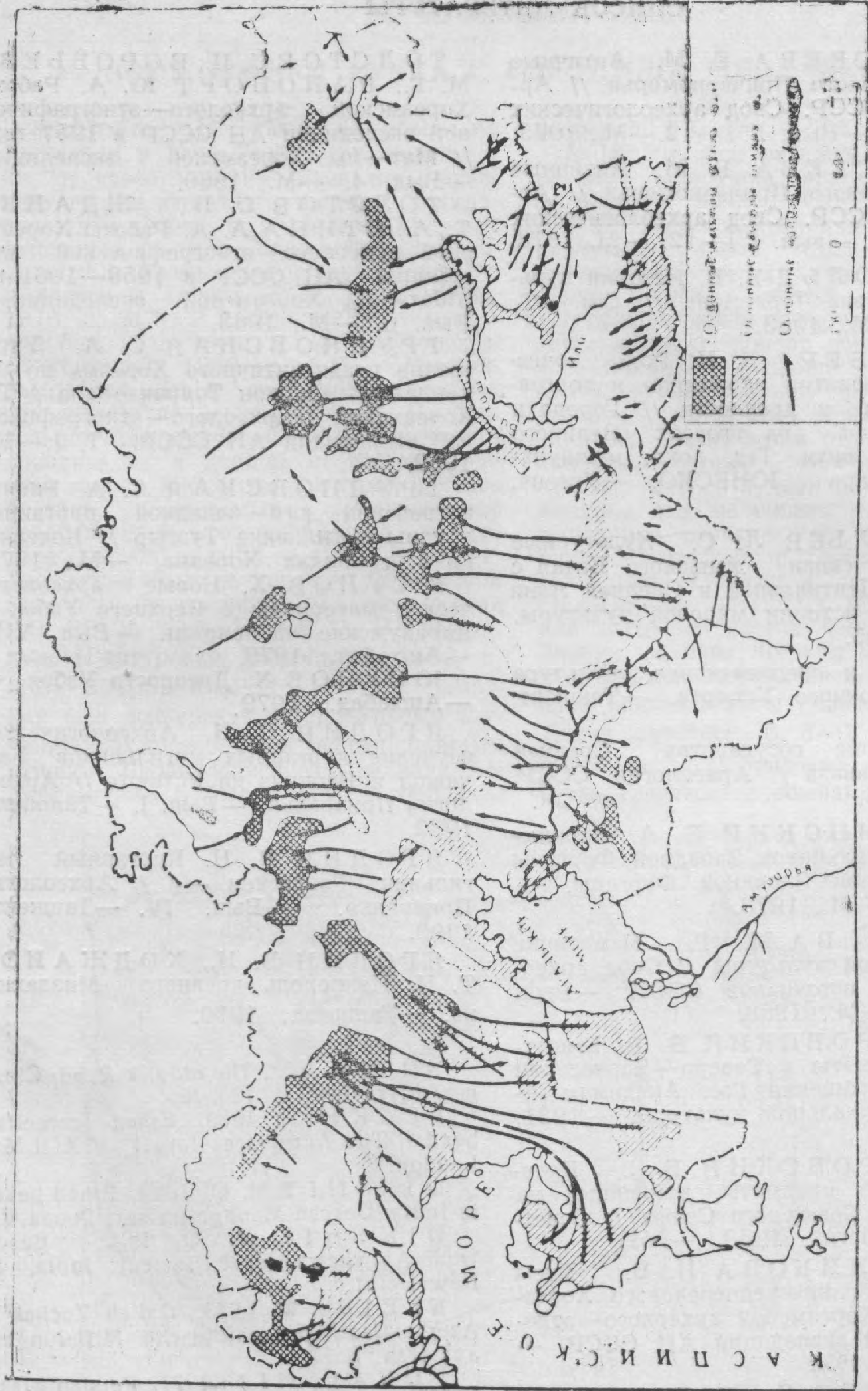

Рис. 3. Схема кочевых путей в Казахстане 1926 — 1930 гг. (по Федоровичу).

Усл. обозначения: сетка — Основные массивы летних пастбищ;
 косой штрих — основные массивы зимних пастбищ;
 стрелка — основные направления кочевок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АЛЕКСЕЕВА Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. Свод археологических источников. — Вып. Г 1—12. — М., 1975.
- АЛЕКСЕЕВА Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // Археология СССР. Свод археологических источников. — вып. Г 1—12. — М., 1978.
- БАРТОЛЬД В. В. Истории культурной жизни Туркестана // Соч. — Т. II. — I. — М., 1963.
- ВАЙНБЕРГ Б. И. Роль кочевников в развитии экономики и торговли Хорезма в древности // Города и караван-сарай на трассах Великого Шелкового пути. Тез. докл. междуна-род. семинара ЮНЕСКО. — Ургенч, 1991.
- ВАСИЛЬЕВ Л. С. Культурные и торговые связи ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // Вестник истории мировой культуры. 1958. — №5.
- Древняя и средневековая культура Юго—Восточного Устюрта. — Ташкент, 1978.
- Древнейшие государства Средней Азии и Кавказа // Археология СССР. — М., 1985.
- ЛИТВИНСКИЙ Б. А. Украше-ния из могильников Западной Ферганы // Могильники Западной Ферганы. — Вып. III. — М., 1973.
- МОШКОВА М. Г. Памятники Прохоровской культуры // Свод архео-логических источников СССР. — Вып. Д 1—10. — М., 1963.
- ПИОТРОВСКИЙ Б. Б. Египет-ские предметы в Северо—Кавказском крае // Сообщения Гос. Академии ис-тории материальной культуры. — 1931. — №6.
- ПИОТРОВСКИЙ Б. Б. Древ-неегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // Совет-ская археология. 1958. — №1.
- ПТАШНИКОВА И. В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорез-ма // Тр. Хорезмской археолого—этно-графической экспедиции АН СССР. — Т. I. — М., 1952.
- ТОЛСТОВ С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. — М., 19й2.
- ТОЛСТОВ С. П., ВОРОБЬЕВА М. Г., РАПОПОРТ Ю. А. Работы Хорезмской археолого—этнографичес-кой экспедиции АН СССР в 1957 году // Мат—лы Хорезмской экспедиции. — Вып. 4. — М., 1960.
- ТОЛСТОВ С. П., ЖДАНКО Т. А., ИТИНА А. А. Работы Хорезм-ской археолого—этнографической экс-педиции АН СССР в 1958—1961 гг. // Мат—лы Хорезмской экспедиции. — Вып. 6. — М., 1963.
- ТРУДНОВСКАЯ С. А. Укра-шения позднеантичного Хорезма по ма-териалам раскопок Топрак—кала // Тр. Хорезмской археолого—этнографичес-кой экспедиции АН СССР. — Т. I. — М., 1952.
- ТРУДНОВСКАЯ С. А. Ранние погребения юго—западной курганной группы могильника Тузгыр // Кочевни-ки на границах Хорезма. — М., 1979.
- ЮСУПОВ Х. Новые археологи-ческие материалы с Верхнего Узбоя // Каракумские древности. — Вып. VIII. — Ашхабад.. 1979.
- ЮСУПОВ Х. Древности Узбоя. — — Ашхабад., 1979.
- ЯГОДИН В. Н. Археологическое изучение курганных могильников Кас-кажол и Бернияз на Устюрте // Архео-логия Приаралья. — Вып. I. — Ташкент., 1982.
- ЯГОДИН В. Н. Курганный мо-гильник Дэвкескен — 4 // Археология Приаралья. — Вып. IV. — Ташкент., 1990.
- ЯГОДИН В. Н., ХОДЖАЙОВ Т. К. Некрополь древнего Миздахка-на. — Ташкент., 1970.
- ALLEU P. 1953. The old silk Road // China monthlyreview, v. 124, №о.
- БЕСК Н. С. 1933. Ethed carnelian beads // The Antiquarez Jornal, V. XIII, №4, London.
- D I K S H I T M, Q 1949. Ethed beads in India // Deccan Monograph ser, Poona, V. 4
- D I K S H I T M. Q. 1952. Beads from Ahi chatra, V. R. // Incient India, 8. New Delhi,
- K L E I S S. W- 1973., Qal'eh Zochak in Azerbaidjan // Arpchaologische Mittelungen, aus Iran. 6.
- F U K A I S H I J I. 1977. Persian glass. New—York, Tokio, Kyoto. Weathill/Jan-kosha.